

**ЛЕТОПИСНЫЙ ЖЕНСКИЙ РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ
(НА МАТЕРИАЛЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»)
(СТАТЬЯ 1)**

В.С. Савельев

Ключевые слова: древнерусские летописи, устная речь, женский речевой портрет.

Keywords: Old Russian chronicles, oral speech, female speech portrait.

DOI 10.14258/filichel(2018)2-12

Одним из основных объектов изучения современной лингвистики является **говорящий человек**: в рамках различных научных направлений определяются многочисленные характеристики, выявляемые при соотнесении двух объектов – **человека** и его **речи**. Речь сама по себе представляет собой одну из главных характеристик человека: установление особенностей использования средств языковой системы в речевой деятельности носителя языка позволяет говорить о **языковой личности** – понятии, введенном в научный оборот В.В. Виноградовым (см.: [Виноградов, 1980, с. 61, 90, 91]) и разработанным в первую очередь Ю.Н. Карауловым¹, согласно которому «языковой личностью можно называть совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [Караулов, 2010, с. 245]. Деятельностный аспект изучения языковой личности привел исследователей к необходимости введения понятия **речевого портрет**, позволяющего сфокусироваться прежде всего на индивидуальных особенностях проявления языковой личности в конкретных коммуникативных условиях.

В трудах современных исследователей² подчеркивается, что значительную роль в разработке понятия **речевого портрет** сыграла

¹ См. также основополагающие для данного направления работы [Богин, 1980; Карасик, 2002; Седов, 2004].

² См.: [Китайгородская, Розанова, 1995; Крысин, 2001; Гордеева, 2008; Варламова, 2015; Цзян Чжиянь, 2016].

работа М.В. Панова¹, создавшего на основе как устных, так и письменных речевых произведений фонетические портреты выдающихся личностей XVIII-XX веков, речь которых была ярко индивидуальной и в то же время отражала характерные особенности фонетического строя языка того времени, когда они жили, и той социальной группы, к которой они относились. Вполне очевидно, что полноценное описание **исторической** языковой личности в принципе вряд ли возможно в силу недостаточности материала исследования. Создание же речевого портрета, базирующееся на анализе дискурсивной деятельности говорящего, не подразумевает обязательной «завершенности», «законченности», свойственной моделям описания языковой личности². Так, Т.М. Николаева, отвечая на вопрос, нужно ли для создания речевого портрета³ «представлять эксплицитно все уровни и все факты языковой системы», говорит об избыточности такого подхода: «<...> Многие языковые парадигмы, начиная от фонетической и кончая словообразовательной, оказываются вполне соответствующими общенормативным параметрам и поэтому интереса не представляют. Напротив, важно фиксировать яркие диагностирующие пятна» (цит. по: [Крысин, 2001, с. 91]).

Помимо вариативности избираемых в качестве «диагностирующих пятен» признаков в работах исследователей обнаруживаются различия в определении того, **чей** именно речевой портрет создается. В частности, анализ «работ отечественных лингвистов» позволил О.Н. Варламовой установить следующие классифицирующие признаки объектов исследований: а) по количеству объектов – портрет единичной / коллективной языковой личности, б) по соотносительности с действительностью – реальный / вымышленный объект, в) по уровню обобщения – релевантный / среднестатистический объект, г) по социальной локализации – личностный / институциональный объект, д) по характеру материала – звучащая речь / письменные тексты, е) по

¹ См. репринтное издание [Панов, 2002].

² Интересной иллюстрацией этой особенности речевого портрета является существование значительного числа научных работ, в качестве части названия включающих словосочетание «штрихи к речевому портрету»: О.А. Ярошенко «Штрихи к речевому портрету русского интеллигента» (Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 3), И.В. Голубева, В.М. Войченко «Женщина третьего тысячелетия. Штрихи к речевому портрету» (Saarbrücken, 2011), Н.К. Иванова «Штрихи к речевому портрету персонажа романа Кена Кизи «Над кукушкиным гнездом» (Филологические открытия. 2015. № 3) и др.

³ В терминах Т.М. Николаевой – социолингвистического портрета.

объему параметров исследования – полные характеристики речи на всех уровнях манифестации языковой системы / частичные характеристики речи на всех или большинстве уровней / селективные характеристики на некоторых или всех уровнях (см.: [Варламова, 2015, с. 26, 27]).

Особое значение в описании языковой личности и создании речевого портрета имеет **гендерный аспект**, связанный в числе прочего с установлением отличительных признаков, характеризующих женскую и мужскую речь. Гендерная лингвистика представляет собой активно развивающееся направление современной лингвистики, и существование многообразия различных научных точек зрения в этой области выглядит вполне естественным, однако неоспорим сам факт существования как отличительных признаков речи мужчин и женщин, так и стереотипных представлений носителей языка об этих отличительных признаках.

Одним из основных источников сведений об устной речи в Древней Руси является «Повесть временных лет» (далее – ПВЛ), герои которой участвуют в многочисленных диалогах, отражающих представление летописца о том, как **говорит** человек, играющий определенную социальную роль в определенных коммуникативных условиях. Как правило, говорящим героем ПВЛ является мужчина, однако обнаруживаются в летописи и такие диалогические фрагменты, в которых в качестве коммуникантов выступают женщины. В каких именно коммуникативных событиях они участвуют? Какие социальные роли играют? Какую информацию передают и какие коммуникативные цели преследуют? Свойственны ли летописной женской речи какие-либо отличительные признаки и, если они обнаруживаются, можно ли на их основе создать летописный женский речевой портрет? На эти вопросы мы попытаемся ответить в нашей статье.

В ПВЛ обнаруживается 322 непереводаемых **диалогических фрагмента**, описывающих **коммуникативные события** (далее – КС)¹, и только в 24 из них принимают участие женщины (7,5% от

¹ Диалогический фрагмент – часть текста, включающая реплики персонажей, участвующих в коммуникативном событии («прямая речь»), а также рамочную конструкцию – слова повествователя, описывающего данное коммуникативное событие (называются коммуниканты, время и место диалога, причины, приведшие к началу коммуникации, коммуникативные цели собеседников, перлокутивный эффект, к которому привел диалог и т.п.).

общего числа КС в ПВЛ), при этом в большинстве из них коммуникантом является княгиня Ольга (16 КС – 5% от общего числа КС в ПВЛ), все остальные женщины-коммуниканты – княжна Рогнеда, царевна Анна, княжна Предслава, мать князя Брячислава, Мария Яневая (жена тысяцкого Яна Вышатича), княгиня Анна (Янка) Всеволожая – участвуют не более чем в двух КС.

И. Кн. Ольга произносит все свои реплики будучи вдовствующей княгиней. Это ее положение – с одной стороны, действующего правителя, а с другой – вдовы, которая может выйти замуж, – определяет ее «двойной» коммуникативный потенциал в значительной части КС, в которых она участвует.

1. В 8 КС собеседниками кн. Ольги являются древляне.

В 7 КС именно она владеет коммуникативной инициативой¹, произнося первую реплику в диалоге. Примечательно, что почти все эти диалоги являются прескриптивными² и во всех случаях кн. Ольга добивается желаемого перлокутивного эффекта: ее собеседники делают то, что она им велит. Рассмотрим наиболее примечательные из них.

(1) *И повѣдаша Волѣѣ, яко деревляни придоша, и възва Ольга к собѣ и рѣе имъ:* (1.1) «Добръ, гостѣе, придоша?» *И ркоша древлян е:* (1.2) «Придохомъ, княгини». *И рѣе имъ Ольга:* (1.3) «Да глѣте, что ра^А придоште сѣмо?» *И ркоша деревляни:* (1.4) «Посла ны Дере вьск^Ага земля, ркущи сице: «Мужа твоего оубихомъ, башеть бо мужь твои, ꙗко волкъ, въсхущаѣ и граба, а наши князи добри суть, е распасли суть Деревьскую землю. Да иди за нашъ князь за Малъ!» – бѣ бо ему имя Малъ, князю деревьскому. Рѣе же имъ Ольга: (1.5) «(1.5.1) Люба ми есть рѣчь ваша. Оуже мнѣ своего мужа и е крѣсити. (1.5.2) Но хощю вы почтити наоутърѣти пре^А людьми своими, а нынѣ идете в лодью свѣю и лажете в лодь величающеся.

Коммуникативное событие представляет собой «ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов. <...> Функция коммуникативного события определяется социально-ролевыми характеристиками участников, их целями, способами и социальными нормами взаимодействия. Эти параметры коммуникативного события формируют его жанр» [Борисова, 2005, с. 13, 30].

¹ В одном из этих КС (состоящем из нескольких коммуникативных эпизодов) коммуникативная инициатива переходит от одного коммуниканта к другому несколько раз.

² Шесть диалогов являются прескриптивными (два из них помимо прескриптивных интеракций содержат фатические и информативные), один – информативным.

Азъ оутро пошлю по вы, вы же рѣте: «Не ѣдемъ ни на конехъ, ни пѣши идемъ, но понесете ны в лодыи», и възънесутъ вы в лодыи». И ѿпусти га в лодью (6453 / 945)¹.

КС (1) состоит из 4 **коммуникативных эпизодов** (далее – КЭ)².

Первый из них представляет собой интеракцию, состоящую из реплик (1.1) и (1.2), и является фатическим, что само по себе примечательно: данный фрагмент – один из немногих примеров фатической коммуникации, представленных в летописи. Его включение в текст оказалось важным для летописца по той причине, что в нем кн. Ольга устанавливает такие межличностные отношения с собеседниками, которые впоследствии позволят ей осуществить свой план мести: называя убийц мужа *гостями*³, проявляя заботу о них⁴, она усыпляет их бдительность, подготавливая почву для дальнейших прескрипций.

Второй КЭ является информативным; он включает вопрос кн. Ольги (1.3) и ответ древлян (1.4), содержащий воспроизведение предложения, ради которого они и прибыли в Киев.

Произнося включенное в (1.4) предложение, древляне перехватывают коммуникативную инициативу: кн. Ольга должна ответить на сказанное согласием или отказом. И она отвечает на реплику собеседника, произнося пространную реплику (1.5), которую следует разделить на два **речевых хода**⁵: а) ответ на предложение

¹ В качестве материала исследования используется текст ПВЛ, воспроизведенный в издании [Полное собрание русских летописей, 1908]. В разбивке текста на слова мы в основном следовали упомянутому изданию, производя при этом разбивку текста на предложения и используя пунктуационные знаки, отсутствующие в ПВЛ, в соответствии с современными нормами. В скобках после примера указывается год, под которым помещен цитируемый фрагмент (по принятому в ПВЛ византийскому летосчислению, ведомому от сотворения мира, и летосчислению от Рождества Христова).

² Коммуникативное событие может состоять из нескольких **коммуникативных эпизодов**, основанием выделения которых является прежде всего завершенность отношений иллокутивного вынуждения (см. [Баранов, Крейдлин, 1992, с. 86, 87]). Зачастую при переходе от предшествующего коммуникативного эпизода к последующему перехватывается коммуникативная инициатива и/или меняется тип диалога (жанр общения).

³ «При этом Ольга несколько унизила древлян, указав на второстепенность ранга их посольства, – всего лишь «гости», а не полноценные послы (так, по договору Игоря с греками, «ношаху сли печати злати, а гостье – сребрени») – 47, под 945 г.» [Демин, 2003, с. 27].

⁴ Именно так следует понять вопрос о том, как они добрались.

⁵ Одна реплика говорящего может включать несколько **речевых ходов**; например, в тех случаях, когда граница между коммуникативными эпизодами проходит не между репликами коммуникантов, а внутри одной реплики, последняя включает в себя как

древлян (1.5.1), б) предложение (1.5.2), от которого древляне не смогут отказаться, поскольку, во-первых, им собираются «оказать честь» и было бы странно с этим спорить и, во-вторых, следование прескрипции собеседника по сути является условием осуществления их прескрипции (1.4). Таким образом, произнося (1.5.2), кн. Ольга перехватывает коммуникативную инициативу и вынуждает собеседника сыграть роль в написанной и поставленной ею «пьесе», в которой собеседнику-«актеру» не предоставляется возможность импровизации: наутро он должен произнести те слова, которые уже «написаны» и сообщены ему¹. И неслучайно в финальной сцене этой «пьесы» в информативном КС (2) задается вопрос, отсылающий поверженного собеседника к самому ее началу: (2) *И принесоша га на дворъ къ Ользѣ, и, несѣше га, и вринуша въ таму и съ лодьею. И пр'никши Влага и р'е имъ: «Добъра ли вы ч'ть?» Уни же ркоша: «Пуще ны Игоревы смѣрти»* (6453 / 945) – слова кн. Ольги содержат намек на сказанное вчера, заставляя древлян понять, что за *честь* их на самом деле ожидала. Следует обратить внимание и на позу княгини: месть осуществилась, и ей необходимо, чтобы враг увидел ее торжество, – именно поэтому она должна *приинкнуть* к яме.

В рассмотренном КС (1) обнаруживаются три **рече-поведенческие тактики** (далее – РПТ)², которые кн. Ольга использует наиболее часто: РПТ «уклончивый ответ», РПТ «отложенное согласие» и РПТ «двусмысленное высказывание».

РПТ «уклончивый ответ» реализуется в (1.5.1): высказывание кн. Ольги содержит оценочное суждение *«Люба ми есть рѣчь ваша»* и констатацию факта *«Оуже мнѣ своего мужа не крѣсити»*. Оценка релевантности их произнесения в качестве ответа на предложение позволяет вывести импликатуру *«Я согласна»*. Однако существенно, что это высказывание не содержит вербально выраженных взятых на себя обязательств: в случае необходимости говорящий будет иметь возможность утверждать, что он своего согласия не давал.

РПТ «отложенное согласие» реализуется в (1.5.1) и (1.5.2): соотнося два этих речевых хода, собеседник должен понять, что

минимум два речевых хода, каждый из которых обладает определенной иллокутивной функцией.

¹ Таким образом, третий КЭ является прескриптивным и включает интеракцию (1.4) и (1.5.1), четвертый КЭ начинается прескриптивным речевым ходом (1.5.2), а реакция на него является невербальной: последующие действия древлян показывают, что они согласились на предложение кн. Ольги.

² О рече-поведенческих тактиках см. [Верещагин, Костомаров, 2005].

согласие, выраженное (1.5.1), «вступит в силу» только после выполнения им требований, изложенных в (1.5.2).

РПТ «двусмысленное высказывание» реализуется в (1.5.2): «честь», предлагаемая кн. Ольгой, может быть истолкована двояко – как описание почестей, воздаваемых послам, и как описание похорон¹. Нельзя сказать, что в этом и других случаях княгиня обманывает своих собеседников: у них всегда остается возможность правильно истолковать ее двусмысленное высказывание. Однако ни в одном из случаев они не проявляют должной проницательности. По сути, каждый из ее «оппонентов» мог бы сказать про себя словами византийского императора *«Переключю мѧ, Шга»*, на практике убедившись, что она **смыслена велми**.

Данная характеристика – «смысленность» – отмечается летописцем у нескольких героев, при этом имеется в виду не способность к мышлению, наличие разума вообще, а способность к быстрой и правильной оценке сложившейся ситуации и выбору правильного решения². Так, кн. Болеслав, услышав оскорбление от вражеского воеводы Б(л)уда, не стал осыпать оппонента ответными оскорблениями, а обратился к своей дружине с такими словами, которые заставили воинов вслед за своим предводителем переправиться через Буг и разбить неприятеля. Именно поэтому летописец дает по сути «чужому» князю следующую характеристику: **бѣ бо великъ и тажекъ Болеславъ, тако ни на кони не могли сѣдѣти, но баше смысленъ** (6526 / 1018) – «смысленность» позволила ему превратить мнимое поражение в диалоге в победу на поле брани.

¹ «Двойной смысл имеет и само передвижение посуху в ладьях: с одной стороны, это знак величайшей силы, знак гордости <...>, с другой – это, очевидно, знак смерти, обряд похорон <...>. Таким образом, внешне обещая воздать послам величайшие почести, затаенно, в прикровенной форме Ольга обрекает их на смерть» [Лихачев, 2007, с. 436].

² Неслучайно в нескольких летописных фрагментах указывается, что герой был *мудр и смыслен*, то есть ему была свойственна полнота обладания своим умом: *Бахучъ бо мудръ и смыслени, и нарицихуса полане; «Ты князь еси мѣръ и смысленъ и не вѣси закона <...>»* (6494 / 986). То же клише часто используется и в переводных текстах: *лг. и нѣ оубо ници чакъ моудрынъ и смысленыъ. и пристави къ всен земли Египетстѣ и <...>* (Быт. ХLI, 33, четий текст; цит. по [Михайлов, 1908, с. 354]), *бѣ бо и та Оивоума зѣло смыслена и преоудра и многоу искоушению славна* (Хроника Георгия Амартола, кн. 4, гл. 43; цит. по [Истрин, 1920, с. 145]), *Кадмосъ же да дщерь свою Агавинъ за Ехтн на. прижи с нею сна именовъ Пеньфеоуса, моужа смыслена прѣдъ всѣми моудра* (Хроника Иоанна Малалы, кн. 2, гл. 13; цит. по [Истрин, 1994, с. 82]).

Еще один пространный диалог между кн. Ольгой и древлянами имеет место во время осады:

(3) *И стоѣ Вльга лѣто цѣло, и не можаше взати города, и оумысли сице: посла к^ъ городу, ркүщи: (3.1) «(3.1.1) Чего хощете досѣдѣти?» (3.1.2) А вси ваши города передашася мнѣ, и талиса по дань, и дѣлаютъ нивы своѣ и землю свѣю. (3.1.3) А вы хощете голодомъ измерети, не имүчися по дань». Древляне же рькоша: (3.2) «Радн выхомъ са ѣли по дань, но хощеши мыщати мюжа свое го». Р^е же нмѣ Вльга, тако: (3.3) «(3.3.1) Азъ оуже мыстила есмь мюжа свѣ своеѣ, когда придомъ къ Кневу, и второе, и третье, еже когда творахү трызънү мюжую моему. (3.3.2) А оуже не хощю ѿмщ енна твори^{ти}, но хощю дань имати по малу и, смирившиса с вами, пондү шплатъ». Ркоша же древляне: (3.4) «Что хощеши оу на^ѣ? Радн даемъ и медо^м и скорюю». Она же ре нмѣ: (3.5) «(3.5.1) Нынѣ оу ва^ѣ нѣтү меду, ни скоры, но ^{ма}ла оу васъ прошо: данте ми ѿ двора по три голуен и по три воробьи. (3.5.2) Азъ бо не хощю тажъкы данн възложити на васъ, яко^к мюжъ мон, но сего оу ва^ѣ прошо мала. (3.5.3) Изнемогли бо са есте въ осаду. (3.5.4) Да вданте ми се малое». Древляне же радн быша, събраша же ѿ двора по три голуен и по три воробьи и послаша къ Вльзѣ с поклоно^м (6454 / 946).*

Речевая партия кн. Ольги в КС (3) представляет собой один из главных летописных образцов того, как можно достичь победы при помощи слова.

Первую свою реплику (3.1) кн. Ольга начинает с негативного для древлян прогноза (3.1.1), выраженного косвенным речевым актом (далее – КРА): «*Чего хощете досѣдѣти?*» = «*Ничего хорошего вы не дождетесь*». Далее в (3.1.2) она сообщает о том, как живут те древляне, которые ей сдались, и оказывается, что у них все хорошо. Перспективы же осажденных, описанные в (3.1.3), выглядят не столь благоприятными: если они не согласятся платить дань, их ожидает гибель. Вполне естественно, что (3.1.3) порождает импликацию «*Соглашайтесь платить дань!*», и именно на эту прескрипцию и реагируют древляне, произнося (3.2): они согласны, однако их согласие имеет потенциальный характер, поскольку они опасаются мести княгини. Реплика (3.3) позволяет кн. Ольге развеять сомнения собеседника: в (3.3.1) она сообщает, что уже утолила жажду мести, а

в (3.3.2) рассказывает о своих мирных намерениях. Обрадованные древляне в (3.4) интересуются тем, какую дань она хочет получить и даже предлагают ей мед и меха, но и в этом случае их ожидает «приятный сюрприз»: кн. Ольга не хочет брать предложенную «тяжкую» дань, но довольствуется малым. При этом в (3.5) сменяют друг друга: (3.5.1) – констатация бедственного положения древлян и предложение, «выгодное» для них, (3.5.2) – сообщение о мирных намерениях говорящего и повторение «выгодного» предложения, (3.5.3) – повторная констатация бедственного положения древлян в такой форме, которая говорит о сочувствии к ним говорящего, (3.5.3) – еще одно повторение «выгодного» предложения. Произнесение в (3.5) высказываний с совпадающим пропозитивным содержанием позволило княгине четырехкратно упомянуть *мала/Мала*, которого она *просит*, и эта просьба стала очередной двусмысленностью¹, которую древляне не смогли интерпретировать правильно, что в очередной раз привело их к гибели.

Рассказывая об остальных случаях общения с древлянами, летописец в 4 КС приводит только одну реплику – прескрипцию, произнесенную кн. Ольгой, а в нарративной части описывает перлокутивный эффект, который для княгини всегда оказывается положительным.

Следует обратить внимание на то, что и в этих репликах княгиня использует РПТ, позволяющие ей добиться того, чего она хочет: РПТ «двусмысленное высказывание» (4) *«Измывшеса, придетъ къ мнѣ»* (6453 / 945) – оказание чести омовением vs. обряд обмывания мертвеца; РПТ «утаивание части информации» (5) *«Ѣ оуже идѣ къ вамъ, да пристронте мѣды многы оу города, идеже оубнстѣ мужа моего, да поплачюса надъ гробомъ ѣ и створю трызну мужю моему»* (6453 / 945) – не сообщается, что это будет тризна и по древлянам, (6) *«Ѣ оуже са есте покорилѣ мнѣ и моему дѣтати, а идете в городъ, а язъ зоутра ѡступлю ѡ города и поиду в городъ свои»* (6454 / 946) – не сообщается, что перед снятием осады кн. Ольга собирается поджечь город.

Также обращает на себя внимание то, что кн. Ольга крайне обстоятельно рассказывает своим собеседникам о причинах своих действий или действий, которые должны совершить они: это не

¹ О языковой игре с обозначением *малой* дани и имени древлянского князя *Мала* см. [Лихачев, 2007, с. 438].

просто прескрипции, а *аргументированные* прескрипции. Аргументы княгини убедительны, и ее собеседники не сомневаются в необходимости следования ее «распоряжениям»; см. КС (1), (3), (5), (6) и (7): (7) *«Да аще ма право просите, то пришите кь мнѣ мужи нарочиты, да въ велице чѣти пондѹ за вашь князь, еда не пѹстатъ мене лю^ае кневьсцинѣ»* (6453 / 945).

Как уже было сказано, только в одном КС коммуникативной инициативой владеют древляне, и в этом случае диалог является информативным, причем кн. Ольга дает собеседникам такой ответ, который их вполне удовлетворяет, а самой княгине позволяет осуществить ее план: (8) *И ркоша деревлянне кь Влазѣ: «Кдѣ сѹть друзѣ наши, нхъжѣ послахомъ по тѣ?» Она же рѣе: «Идѹть по мнѣ съ дружинноу мужа моеѣ». И тако оупишасѣ деревлянне, повелѣ штрок ѿ мѣ свои^и пити на нѣ, а сама ѿиде прочь и потомъ повелѣ штроко^и сѣчи на* (6453 / 945) – в диалоге кн. Ольгой реализуется РПТ «двусмысленное высказывание» (имеются в виду воины, погибшие вместе с кн. Игорем).

2. В трех КС собеседником кн. Ольги является византийский император Константин. Каждый из этих диалогов является прескриптивным, причем коммуникативной инициативой в них владеет император. И в каждом из случаев кн. Ольге, интересы которой не совпадают с интересами собеседника, удается достичь нужного ей итога.

(9) *И видѣвъ ю добру сѹщю лице^и и смыслену велми, и оудивисѣ ѿ цѣрь разꙋмꙋ еѣ, бесѣдов^ѣ к неѣ и рекъ еѣ: (9.1) «Подобна еси цѣртовати в городѣ семъ с нами». Она же, разꙋмѣвши, и рѣе кь цѣрю: (9.2) «(9.2.1) *Азъ погана есмь. (9.2.2) Да аще ма хоцещи крѣтити, то крѣсти ма самъ. (9.2.3) Аще ли – то не крѣщꙋсѣ». И крѣти ю цѣрь с патрнархо^и* (6463 / 955).*

Высказывание императора (9.1) является иллокутивно полифункциональным¹: с одной стороны, его иллокутивной функцией (далее – ИФ) является «оценочное суждение (похвала)», с другой – ИФ «предложение». Кн. Ольга, будучи *смысленной*, распознает,

¹ Иллокутивная полифункциональность – свойство высказывания, которое в процессе одного локутивного акта используется одновременно в нескольких иллокутивных функциях. Подробнее об иллокутивной моно- и полифункциональности см. [Савельев, 2016a].

разумевши, вторую, «скрытую» ИФ и отвечает на предложение, используя ту же речевую стратегию, что и в (1.5)¹. Первое ее высказывание (9.2.1) так же, как и высказывание императора, является иллокутивно полифункциональным: к ИФ «сообщение о настоящем» добавляется ИФ «отказ», выводимая из оценки релевантности произнесенного. Далее кн. Ольга прибегает к РПТ «уклончивый ответ» и «отложенное согласие»: (9.2.1) и (9.2.2) должны привести собеседника к выводу, что княгиня согласна выйти за него замуж, но при определенных условиях; при этом напрямую свое согласие княгиня не выражает, но предлагает ему выбрать один из двух возможных путей развития ситуации.

После того как условие княгини оказывается выполненным, император вторично, но уже напрямую делает ей предложение:

(10) *И по кр̑щении призва ю ц̑рь и р̑е ен:* (10.1) «*Хощю тл пон лти женѣ*». *Вна же р̑е:* (10.2) «(10.2.1) *Како ма хощешн понати, а кр̑стивъ ма самъ и нарекъ ма дщерь?* (10.2.2) *А въ кр̑тъянѣхъ того нѣ закона, а ты самъ вѣси*». *И р̑е ц̑рь:* (10.3) «*Переключка ма, Влга!*» (6463 / 955).

Услышав ответ кн. Ольги, император восклицает: «*Переключка ма, Влга!*» – только теперь ему становится понятна стратегия, к которой прибегла его смысловая собеседница.

Еще один диалог с императором у кн. Ольги состоялся после ее возвращения домой, когда император прислал ей своих послов:

(11) *И присла к неи ц̑рь гр̑цкын, г̑ла, тако:* (11.1) «*Много дарихъ тл. Ты же г̑ла ми, тако: «Аще възвращюся в Рѹ, многы дары послю ти: челады, и воскъ, и скору, и воа многы в помощь»*. *Въ вѣщавши же, Влга р̑е къ посло:* (11.2) «*Аще ты, рци, тако постонши оу мене в Почаннѣ, тако азъ в Оуду, то тогда ти вдамъ*». *И ѿпусти слы, си рекши* (6463 / 955).

Император напоминает княгине об обещании, данном ею; озвучиваются ее слова, и, казалось бы, нет никакой возможности от них отказаться. Однако и в этом случае княгиня добивается своего:

¹ «Если речевую стратегию понимать как совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего («глобального намерения», по ван Дейку), то речевой тактикой следует считать одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии. Стратегический замысел определяет выбор средств и приемов его реализации, следовательно, речевая стратегия и тактика связаны как род и вид» [Иссерс, 2008, с. 109, 110].

она не отказывается от сказанного, но вносит уточняющее условие, напоминая о том, как именно в свое время ее одарили. Таким образом, с одной стороны, не произнося слов отказа, она находит возможность отказать, а с другой – дает собеседнику понять, что ее отказ связан с обидой на него¹. Как и в (1.5) и (9.2), используется РПТ «отложенное согласие»: для того чтобы согласие «вступило в силу», собеседник должен выполнить условия, которые обесмысливают его просьбу (как в 1.5 и 9.2) или окажутся невыполнимыми (как в 11.2).

3. Стратегия, к которой прибегла кн. Ольга в диалогах с императором с целью избежать брака с ним, в то же время привела ее к крещению. И вот впервые на страницах летописи она обретает собеседника, который является для нее не врагом (как древляне) или оппонентом (как император), а духовным наставником. Два ее диалога с патриархом очень похожи друг на друга:

(12) *И поучи ю патриархъ в вѣрѣ и р'є еи: (12.1) «Блѣвна ты еси в руськихъ князехъ <...>». И заповѣда еи в црковнемъ оуставѣ, и в млтвѣ и постѣ, и в млтни и в въздѣржанни тѣла чѣта. Она же, поклонивши главу, стоаше, аки губа напаяма, внимаючи оученью, и, поклѣнившиа патриарху, глѣше: (12.2) «Млтвами твоими, влѣко, да съхранена буду ѿ сѣти неприазнены» (6463 / 955),*

(13) *Она же, хотѣши домови, приде къ патриарху, блѣвниа просици на домъ, и р'є ему: (13.1) «(13.1.1) Люѣ мои погани и снѣ мои, (13.1.2) да бы ма Бѣ съблюлъ ѿ всакого зла». И р'є патриархъ: (13.2) «Чудо вѣрно! Въ Хѣ крѣстилася еси и въ Хѣ шблечеса <...>». И благослови ю патриархъ, и иде с миромъ в землю свою и приде къ Киеву (6463 / 955).*

В (12) описывается, как после крещения патриарх наставляет будущую святую; она же *стоит, поклонивши главу*. Упоминание позы кн. Ольги в данном случае неслучайно, как неслучайна любая деталь, описываемая в ПВЛ: грозная и коварная воительница предстает смиренной христианкой, целью которой является не победить своего собеседника, а не пропустить ничего из того, что он рассказывает – она

¹ «Ольга значительное время прожила в Царьграде, прежде чем была принята при дворе первый раз. Наша летопись неожиданно подтверждает это обстоятельство, передавая ответ Ольги послам Константина, требовавшего даров и войска.<...> Из этого неудовольствия Ольги следует, что она долго стояла на кораблях в гавани в ожидании приема при дворе» [Айналов, 1908, с. 305].

внимает учению, впитывая слова патриарха как губка. Затем, поклонившись, княгиня просит собеседника о молитве за нее. Собираясь же домой, кн. Ольга обращается к патриарху с репликой (13.1), прося его о благословении.

В обеих репликах княгиня используют редкие в ПВЛ конструкции с частицей ДА, оформляющие высказывания с ИФ «сообщение о желаемом событии (положении дел) в будущем»: в (12.2) употреблена форма желательного наклонения, а в (13.1.2) – сочетание частицы ДА с формой сослагательного наклонения. При этом в обоих случаях княгиня не высказывает свои просьбы напрямую, но строит свою речь так, что модальность желательности объективизируется (я говорящего в (12.2) и (13.1.2) представлено как пациенс) и реплики звучат не только как просьбы, адресуемые патриарху, но и как непрямые молитвы, обращенные к Господу¹.

4. В диалогах с сыном – кн. Святославом – кн. Ольга произносит слова, отражающие ее *материнскую* тревогу и *христианскую* любовь.

(14) *Іако* бо Вага часто глше:* (14.1) «(14.1.1) *Азъ, снѣ, Ба позна^х и ра^юса.* (14.1.2) *Аще и ты познаешн Ба, то радовати^х начнешн.* *Внъ же не внимаше того, гл^а:* (14.2) «*Како азъ хочю инъ законъ вдннъ азъ принати? А дружина моя сему смѣяти начну^т.* *Вна же р^е ему:* (14.3) «*Аще ты кр^стишиса, всн нму^т то же твори^т.* *Внъ же не послуша мѣри и твораше норovy поганьскыа* (6463 / 955).

Беспокоясь о спасении сына, княгиня обращается к нему со словами, в которых проводит аналогию между своей жизнью – (14.1.1) – и тем, что мог бы сделать он – (14.1.2). Та же стратегия применяется кн. Ольгой и в (3.1): сопоставляется бедственное положение адресата и вполне приемлемое состояние дел тех древлян, которые ранее согласились платить дань. Однако выясняется, что сын, в отличие от отважной матери, боится показаться смешным в глазах дружины. Княгиня опровергает этот аргумент словами опытного правителя: подданные поступят так же, как их начальник. Однако неразумный сын не прислушивается к словам мудрой матери, и это единственный словесный поединок, в котором кн. Ольга терпит поражение.

(15) *Р^е ѿтосла^авъ къ мѣрь своен и къ богаро^м своимъ:* (15.1) «*Не любо ми есть в Киевѣ жити, хочю ж^ти в Переяславци в Дунаи <...>*». *И р^е е му мѣри:* (15.2.1) «*Видиши ли ма болну^сущю, камо*

¹ О непрямыx молитвах см. подробнее [Савельев, 2018].

хощешн ѿ мене?» – бѣ бо разболѣлася оуже. Рѣ же емѹ: «(15.2.2) Погрѣвѣ ма, нди, аможе хощешн». И по трехѣ днѣхѣ оумре Ѡлга. И плакасѣ по неѣ снѣ еѣ, и внуци еѣ, и люде вси плачемѣ великии и, не съше, погрѣвоша ю на мѣстѣ» (6477 / 969).

В КС (15) кн. Ольге удается убедить сына остаться с ней до ее смерти: в своей ответной реплике на сообщение кн. Святослава о намерении уйти в Переяславец княгиня вначале произносит (15.2.1) – иллокутивно полифункциональное высказывание, выраженное КРА, с ИФ «оценочное суждение» (= «Нельзя уходить от больной матери») и ИФ «просьба» (= «Не уходи!»), а затем в (15.2.2) прибегает к РПТ «отложенное согласие» (согласие, которое «вступит в действие», если он выполнит определенные условия).

5. Надо сказать, что кн. Ольга предпринимала попытки наставить своего сына неоднократно¹, однако они ни к чему не привели. И тогда она обратилась к Господу с молитвой:

(16) Но вбаче любаше Ѡлга снѣ своеѣ Стѣслава, ркѹщи: «Вола Бжїна да бѹде: аще Бѣ въсхощеть помилвати родѹ моего и землн Рѹсѣкыѣ, да възлоѣ имѣ на срѣце вбратити кѣ Бѹ, такоже и мнѣ Бѣ дарова» (6463 / 955).

Так же, как и в (12.2) и (13.1.2), молитва княгини является непрямой: она полагается на волю Божию, проявляя свое смирение. Однако существенно, что при этом, как указывает летописец, молитва ее имела постоянный характер², и в конечном итоге все свершилось по ее молитвам: Русь стала христианской, а крестил ее пусть и не сын ее, но внук, воспитанный ею, – внук, для которого после предпринятого тщательного испытания вер финальным аргументом в пользу крещения стали слова бояр: (17) «Аще лихѣ бы законѣ грѣчкын, то не бы баба твоѣ Ѡлга принала крѣщенна, таже бѣ мѹдрѣнши вси члѣвкѣ» (6495 / 987).

Итак, на страницах летописи представлены такие *штрихи* речевого портрета кн. Ольги, которые позволяют прийти к однозначному выводу: княгиня является незаурядной языковой личностью, почти всегда достигающей своих коммуникативных целей. Одерживать «победы» в диалогах с разными собеседниками позволяют ей следующие ее качества: информированность (знание

¹ (14) *Глаголю бо Ѡлга часто гл҃ше <...>.*

² *Се рекши, молашесѣ за снѣ и за люди по всѣ днѣ и нощи* (6463 / 955).

княжеского этикета, языческих ритуалов, христианского таинства крещения), продуманность речевых стратегий (на примере КС (1), (3) и (9) хорошо видно, что, вступая в диалог, кн. Ольга знает, в какую сторону его направить, чтобы достичь своей цели, скрывая ее при этом от собеседника), быстрая и точная реакция на речевые действия собеседника, умелое использование разнообразных РПТ, апелляция к чувствам и логике собеседника и удачная аргументация (в диалогах с древлянами, императором и отчасти с сыном она «угадывает» чаяния собеседника и выбирает такие аргументы, которые покажутся убедительными именно ему), следование моделям коммуникативного поведения, которые определенным образом маркируют социальную роль говорящего и при этом наиболее выгодную для него в данных коммуникативных условиях (например, в диалогах с древлянами – не только «вдова», но и «великая княгиня»¹).

Кн. Ольга часто использует «любимые» РПТ – «уклончивый ответ», «двусмысленное высказывание», «утаивание части информации», «отложенное согласие», а также речевые стратегии, которые можно назвать образцовыми, хрестоматийными. Обнаруживаются ли при этом какие-либо признаки того, что это именно *женская* речь? Безусловно, это касается «парадигмы» тех социальных ролей, в которых проявляется языковая личность княгини, и, как следствие, тематики диалогов, в которых она участвует: по отношению к древлянам она выступает как вдова и невеста, по отношению к императору – как невеста, по отношению к кн. Святославу – как мать, по отношению к патриарху и к Господу – как духовная дочь, ищущая заступничества и помощи. Но одновременно с этим во всех случаях она выступает в качестве великой княгини – властительницы, которую, по словам Н.М. Карамзина, «предание нарекло *хитрою*, церковь *святою*, история *мудрою*» [Карамзин, 1818, с. 205].

Что же касается собственно языковых признаков, то и перечисленные РПТ, и образцовые стратегии обнаруживаются также и в речи летописных персонажей-мужчин. Так, РПТ «уклончивый ответ» реализуется в ответе кн. Владимира на призыв греческого философа-проповедника креститься: (18) *Он же рече: «Аще хощеши шдесною стати, то крѣтиса». Вѣлѣи мер же положи на срѣци своеѣ, рекъ: «Пождоу еще мало», хотѣ испитати ш всѣхъ вѣра»* (6494 / 986); РПТ

¹ Принимая посольство древлян, «Ольга повела себя как великий киевский князь, принимающий посольство строго по этикету и тем самым соблюдающий свое княжеское достоинство» [Демин, 2003, с. 26].

«двусмысленное высказывание» обнаруживается в КС (9), когда император произносит высказывание, которое можно воспринять и как похвалу, и как предложение; РПТ «утаивание части информации» обнаруживается в КС (1), когда древляне сообщают кн. Ольге о том, что хотят видеть ее своей княгиней, но умалчивают о том, что они собираются сделать с ее сыном, а ведь это обсуждалось ими перед отправкой посольства: (19) *Ркоша же деревлянѣ: «Гѣ князѣ рѣ каго оубихомъ. Понмемъ жену его Улгу за князъ свои Малъ, и Гѣ слава, и створимъ ему, такоже хощемъ»* (6453 / 945); мученик Феодор Варяг прибегает к РПТ «отложенное согласие», притворно соглашаясь отдать сына «богам», ставя при этом невыполнимое условие: (20) *Рѣша ему: «Дан сѣа своеѣ, дамы и бѣмъ». Унъ же рѣ: «Аще сѣуть бѣзи, то единого себе послють бѣ, да понмуть сѣа моего. А вы чѣму перетеребуете имъ?»* (6491 / 983). В речи летописных персонажей-мужчин встречаются, как и в речи кн. Ольги, намеки на слова, ранее звучавшие в диалоге¹, апелляция к чувствам собеседника², многочисленные примеры образцовых речевых стратегий (КС, в которых кн. Святослав обращается с воинской речью к дружине (6479 / 971), белгородцы убеждают печенегов снять осаду (6505 / 997), кн. Болеслав использует оскорбление, произнесенное противником, чтобы победить его (6526 / 1018), кн. Глеб разоблачает волхва (6579 / 1071) и др.). Мало того, именно в речи мужчин обнаруживаются высказывания, которые, если опираться на современные гендерные стереотипы, следовало бы назвать характерными для «женской» речи: (23) *І рѣ ему Изяславъ: «Братѣ, не тужи! Видиши бо, колко са мнѣ склочи зла? Первое бо, не выпгнаша ли мене и имѣнье мое разграбиша? И паки, кѣю вину створи на есмь? Не изгнаста ли вы мене, брата своа? И не блуднѣ ли по чюжимъ земламъ, имѣнья лишенъ быхъ, не створи зла ничтоже? <...>»* (6586 / 1078), *Іаropoleкъ же идаше по немъ, плачаша съ дружиною своєю: «Учѣ, учѣ мои! Что еси бес печали пожнѣ на свѣтѣ»*

¹ Ср. (2) и (21) *Унѣма же рекшима: «Нама бѣзи повѣдають: не можеша нама створити ничтоже» <...> Іанъ же повелѣ бити га и поторгати бродѣ ею. Снма же битыма и бродѣ поторганѣ проскѣпомъ, рѣ има Іанъ: «Что вамъ бѣжѣ молвати?»* (6579 / 1071).

² Ср. (15.2.1) и (22) *И послаша княнѣ къ Оѣославу, глѣоще: «<...> Аще ти не жаль шъ ты чины своа, и мѣръ, стары сѣща, и дѣти своа?»* (6476 / 968).

семь, многи напасти приемь ѿ людѣи и ѿ братья своєю? <...>» (6586 / 1078) – в речи же кн. Ольги не обнаруживается ни жалоб, ни сетования, ни плача.

Таким образом, гендерные характеристики речевого портрета кн. Ольги обнаруживаются исключительно в «парадигме» социальных ролей, в которых она выступает, и в тематике КС, в которых она участвует.

Что же касается речевой деятельности других летописных женщин-коммуникантов, то она будет рассмотрена нами в продолжении данной статьи.

Литература

Айналов Д.В. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1908. СПб., 1908. Т. XIII.

Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2.

Богин Г.И. Современная лингводидактика. Калинин, 1980.

Борисова И.Н. Русский разговорный диалог. Структура и динамика. М., 2005.

Варламова О.Н. Место речевого портрета матери в типологии лингвоперсоналогических описаний // Языки и литература в поликультурном пространстве. 2015. № 1.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М., 2005.

Виноградов В.В. О художественной прозе // Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.

Гордеева М.Н. Речевой портрет и способы его описания // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. 2008. № 6.

Демин А.С. Семантика «Повести временных лет» // Демин А.С. О древнерусском литературном творчестве. Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова. М., 2003.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008.

Истрин В.М. Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Петроград, 1920. Т. I: Текст.

Истрин В.М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Репринтное воспроизведение материалов В.М. Истрина. Подготовка издания, вступительная статья и приложения М.И. Чернышевой. М., 1994.

Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1818. Т. I.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Издание седьмое. М., 2010.

Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты М., 1999.

Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык. М., 2005.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995.

Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.

Лихачев Д.С. Комментарии // Повесть временных лет. СПб., 2007.

Михайлов А.В. Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Вып. 4. Главы 37-50. Варшава, 1908.

Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991.

Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. М., 2002.

Савельев В.С. Древнерусские иллокутивно полифункциональные высказывания: сообщения о прошлом, настоящем и будущем (на материале «Повести временных лет») // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2016, № 2.

Савельев В.С. Молитва в «Повести временных лет» (статья 2) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 1.

Седов К.Ф. Дискурс и личность. Эволюция коммуникативной компетенции. М., 2004.

Цзян Чжиянь Речевой портрет драматических персонажей А.П. Чехова с позиций носителя китайской лингвокультуры (на материале пьесы «Дядя Ваня»): дисс... канд. филол. наук. М., 2016.

Список источников

Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археологическою Комиссиею. Том второй. Ипатьевская летопись. Издание второе. СПб., 1908.

«ПОДГЛЯДЫВАЮЩИЙ ТОМ»: ВЛИЯНИЕ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ ИДИОМЫ НА СОВРЕМЕННОЕ МИРОВОЕ ИСКУССТВО И ЛИТЕРАТУРУ

Ю.А. Саитбатталова

Ключевые слова: лингвокультурология, идиоматические выражения, фразеология, постмодерн.

Keywords: linguoculturology, idiomatic expressions, phraseology, postmodern.

DOI 10.14258/filichel(2018)2-13

Неизменно частое использование фразеологизмов и идиом в повседневной жизни и художественной литературе, в том числе современной, свидетельствует о поистине неиссякаемом потенциале